

Только тогда бы и там он мог найти соответствующий сюжет и материал для дальнейшего тома своего сочинения „Dante n'avait rien vu“ (Данте ничего не видел), — ибо, конечно, ад гениального итальянского поэта — является довольно невинною фантазиею по сравнению с кровавыми и зверскими злодеяниями большевицкого чекизма.

Приходится пожалеть, что международное общественное мнение после войны так заглохло, отупело.

Иначе оно должно бы было стихийно протестовать против большевицких террористических изуверств, ибо они не менее ужасны, чем Бостон и недавнее дело невинно казненного в Германии Якубовского....

Настанет время, когда Европа и мир будут краснеть за то, что молчали и не реагировали, как следует на красный террор московских заплочных дел мастеров.

О. Д.

Казачья эмиграция.

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

Благоволите поместить в дорогом нам Вашем журнале „Вольное Казачество“ следующую заметку:

Ознакомившись из № 39 журнала о публичном „разоблачении“ г. Глазковым деятельности „Вольного Казачества“ мы — Вольные Казаки-Кубанцы, проживающие в Дрваре (Югославия) считаем своим долгом еще и еще раз заявить во всеуслышание г. Глазковым и им подобным проходимцам, что никакие их „разоблачения“ не поколеблют нашей веры в святое дело „Вольного Казачества“, что к подобным типам мы относимся только с полным презрением. Ряды Вольных Казаков с каждым днем растут, ибо слишком для них убедительно, искренно и правдиво живое слово „В. К.“. Вам же — „Вольному Казачеству“ мы шлем до сырой земли поклон и уверение в искренней к Вам нашей преданности.

18—VII—29. Дрвар-Босна
 Антон Черный
 Иван Иващенко
 Петр Передерий
 Федор Перекипний

Гончаровцы о выступлении Глазкова.

... По вопросу о выступлении с докладом г-на Глазкова („орган. крах В. К.“) Правление от имени (Братиславского) Куреня выражает свое глубокое возмущение и акт этот расценивает как предательство и измену В. К.

Недоразумения, шероховатости должны быть. Борьба с ненормальностями надо, но только не вынося сор из хаты и честным путем, не смешивая понятия личного самолюбия и общественной пользы.

Наша поддержка за Вами...

Г. Редактор!

Не откажите в братской любезности поместить на страницах „В. К.“ нижеследующее:

Довожу до сведения В. К., что дерзкое выступление дезертирствующего (с поля битвы) г. Глазкова, с целью нанести сокрушительный удар В. К., никакого смущения или разногласия в ряды В. Казачества не внесло. Все в. казаки попрежнему глубоко верят в идею и цель, бдительно охраняют то священное знамя, которое Вы водрузили...

Да здравствует несокрушимое В. Казачество!

П. Кудинов.

Господину Редактору журнала „В. К.“

М. Г., Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в одном из ближайших номеров „В. К.“ нижеследующее наше заявление.

22 июня сего года г. Глазков В. сделал „доклад“ на тему „Организационный крах В. К.“, где наряду множества других ложных утверждений, позволил себе абсолютно вымышленное заявление по адресу нас, калмыков-сотрудников „В. К.“

Считая, что этот „доклад“ является публичным поношением казачьего имени перед аудиторией, состоящей в большинстве из людей, чья „неискоренимая, почти инстинктивная враждебность к казакам вообще, —

за то, что они казаки*) не подлежит никакому сомнению, мы, дорожа честью казака, охраняя его достоинство, сочли для себя унизительным присутствовать на нем и не могли там же опровергнуть эту гнусную ложь по нашему адресу вымышленную и пущенную в массу исключительно с провокационной целью. Делаем это опровержение теперь на страницах доступного нам казачьего печатного органа.

Как нам передают присутствовавшие на этом „докладе“ казаки, г. Глазков сказал, что „калмыки (г. е. сотрудники „В. К.“) собираются отторгнуть от Дона Сальский округ“...

Сознавая, что Глазкову, как вольному казаку, стремящемуся к отделению Дона от России и, надо полагать, с землей, не приличествует протестовать против естественных стремлений Донских калмыков — присоединиться к основному ядру своего народа и, если надобно отделиться, от Дона, конечно с землей, на которой извечно они сидят, мы, во имя восстановления истины, категорически заявляем, что утверждение Глазкова — наглая ложь. Отторгать Сальский округ от Дона у нас намерения нет, не в наших это интересах, ибо большинство его населения — калмыки — считали и считают себя членами единой семьи Донского Казачества.

Конечно, ставя себе задачу национального возрождения нашего народа, мы, естественно, стремимся к национально-территориальному и административному объединению всех частей нашего народа, живущих в различных областях Востока Европы.

Но, в этом своем стремлении, мы совершенно отделяем Донское Казачество в смысле оберегания его достоинства, его прерогативов и в том своем предложении, против которого, якобы, протестовал г. Глазков, мы сделали специальную оговорку. Вот она: ... „объединение калмыков — казаков с Калмыцкой Областью должно и может явиться как завершение всех мер к объединению донских казаков — калмыков с Калмыцкой Областью и по законодательном одобрении Донского Казачества в Донском Войсковом Круге“...

Кроме того, мы исходим из глубокой веры, что для возрожденного и восстановленного единого Казачьего Государства — Казаки — не составит особенной трудности внутреннее территориальное размежевание между отдельными областями и оно найдет достойную и благородную форму для разрешения этого внутреннего вопроса.

Из всего этого для всякого, кто совесть свою не закупорил в крепкий чугунный ящик, кто, по калмыцкой поговорке, не наложил войлока на лицо свое, чтобы скрыть стыд, ясно, что г. Глазков, мягко выражаясь, солгал.

Мы, родившиеся в казачьей семье, всю свою жизнь проводившие в казачьей среде, свои лучшие годы отдавшие на службу (три года германской войны, три года войны с большевиками) в рядах близких нам донских казаков, своею Родиною почитающие родной нам Дон, никогда не пожелаем нанести какой-либо ущерб Донскому Казачеству, как и Казачеству вообще.

Можно говорить о нашем заблуждении, о неправильном понимании нами интересов и путей спасения Казачества от тяжкого ярма красной Москвы, но ни

*) Белое Дело кн. IV.

один честный казак не посмеет предположить в нас злой умысел в отношении Казачества.

Об этом должен знать даже Глазков. Но, тем не менее, он, в силу утраты чувства меры, чувства чести, чувства казачьего достоинства, в качестве „обойденного“, руководимый исключительно чувством личной мести, с развязностью завравшегося 20-ти летнего мальчишки стал на путь циничной демагогии, вымышлять по нашему адресу ложь, провокацию гнусными „бабьими“ сплетнями, поношениями доброго казачьего имени перед враждебной к казакам вообще, а к Вольному Казачеству в особенности, аудиторией тщетно пытался дискредитировать высокую Казачью Идею...

Мы, с возмущением отвергая всю многоэтажную ложь г. Глазкова, не можем называть его „доклад“ иначе, как провокационным. Всякий казак, разум которого, по калмыцкому выражению, не заменен дохлой собакой, поймет всю подлость и преступность выступления Глазкова, избранного высшим судьей в казачьих делах разных „русских“ Мейснеров, Варшавских и т. п. зоологических врагов Казачества. Также казаки достойным образом оценят поступок Глазкова „даншего“ г. Варшавскому точную копию своего „доклада“.

Далеко от Родины, в условиях изгнания, при безграничном враждебном отношении всех „русских патриотов“ тяжелое это дело — бороться за подлинные казачьи права, за возрождение Казачьей Власти, Казачьего Государства. Эта тяжесть неизмеримо отягощается предателями из казачьей же среды. Так было в прошлом, так есть теперь и — так будет в будущем? В семье не без уроков.

Но „пыли не скрыть золота“ — говорит калмыцкая поговорка.

Точно также драгоценную и сверкающую, как золото, Казачью Мысль, Казачью Идею не скрыть и не убить пустыми словоизвержениями, различными „документами“ всевозможным Глазковым вкупе с „русскими патриотами“ Мейснерами, Варшавскими...

С. Балыков, Ш. Балинов.

Кубанцы в Париже.

Хочу сказать несколько слов о жизни кубанцев в Париже.

Как в других государствах, так и здесь казаки организованы в станицу, которая официально называется: „Кубанская станица в Париже“. Станица возникла давно, а именно в 1924—1925 г., когда во Францию, в частности в Париж стали прибывать казаки. Первыми деятелями в момент возникновения станицы были: Хунцария, Курочка, Машенко и др. Странную линию вели эти господа; они совершенно не считались с желаниями казаков, а сами направляли свою работу по такому руслу, которое казалось им весьма полезным для казакон.

Тогда же в Париже существовало, блаженной памяти почившее „Казачье Об'единение“, которое возглавлялось „чистейшим“ казаком войска Донского графом Граббе. К голосу этого „Казачьего Об'единения“ и прислушивалась тогда Кубанская Станица, или вернее ее Атаман, доктор Машенко. На негодование отдельных казаков, что доктор Машенко действует по указке графа Граббе, всякий раз следовали заверения, что де — это так только кажется и что он, Машенко, старый казак и понимает как нужно вести дело. Такое неопределенное и двухликое положение окончилось тем, что казаков у Машенко почти не осталось и в это время в Париже было организовано „Кубанское Демократическое Об'единение“.

Главными организаторами этого об'единения были: Д. Е. Скобцов, полковник Семенихин, Карганов, Макаренко, Ковалев и др. Работа этого об'единения в самом начале шла навстречу казаку. В те времена много было разговоров о возможности устроиться казакам на землю исполщика, но, как это сделать, никто толком не знал. Кубанское Об'единение пригласило г. Фобриканта, который очень подробно ознакомил многолюдное собрание кубанцев (в ресторане Крым) с вопросом о посадке на землю. Свою деятельность об'еди-

нение закончило не совсем красиво. В среде правления об'единения оказался платный агент большевиков, который склонял казаков к возвращению в Сов. Россию. Это обстоятельство заставило насторожиться казаков, стали побаиваться, задавали себе вопрос: да не все ли они большевистские агенты? Опасения были напрасны. Как только полк. Семенихин проявил себя большевистским агентом, правление об'единения оповестило через печать всех казаков, что он исключается из состава об'единения, а так же предостерегало казаков быть осторожными с Семенихиным.

Я упомянул об об'единении только потому, что бы указать путь, каким шли казаки в то время в Париже. Вернусь опять к д-ру Машенко.

Как я говорил выше, его политика была неясна. Нужно было ждать случая, который заставил бы Машенко сказать определенно; кого он слушает: казаков и Атамана или графа Граббе? Случай не заставил долго ожидать. К войсковому празднику (это относится к 1926 г.) в Париж ожидался Кубанский Атаман генерал Науменко. Возник вопрос о чествовании Атамана, а так же и о том, чтобы отпраздновать праздник всем кубанцам вместе. Тогда в Париже существовало четыре кубанских организации, а именно: Кубанская Станица, Кубанское Демократическое Об'единение, Клуб „Кубанский Сокол“ и сотня Алексеенского военного училища. Эти четыре организации (их правления) собрались на совещание с целью выработать программу праздника. На первом заседании все шло гладко. Была избрана комиссия из 5—6 человек, которая и должна была выработать программу праздника.

Программа была выработана и на втором заседании была доложена. Всех она удовлетворила. Но вот Машенко встает и говорит, что первым пунктом программы должно быть: посылка телеграммы „Верховному Вождю Николаю Николаевичу“. Если это не будет удовлетворено, то они, т. е. он с некоторыми членами правления будут праздновать с граббовскими казаками. Его требование удовлетворено не было, и он праздновал действительно с граббовской группой. Кубанцы же с остальными казаками отпраздновали свой праздник вместе с другими казаками и своими Атаманами.

Вскоре после этого наступило время перевыборов и Машенко окончательно был отстранен от общественной деятельности. После этого во главе станицы стоял Скобцов, но т. к. г. Скобцов перед этим возглавлял демократ. об'единение, к которому у казаков родилось недоверие по причине указанной мною выше, то и здесь, уже на должности Атамана, люди относились к нему и его правлению с некоторой осторожностью, все побаивались: не найдется ли тут еще один большевистский агент.

Это я обрисовал жизнь казаков в прошлом, теперь коснусь того, как живут казаки в настоящее время.

В начале этого года были произведены пере выборы станичного правления. Атаманом станицы избран И. К. Перегордиев, членами правления: Макаренко, Меркулов, Глазков, Уваров, Бадиев, Чикильзин и Копылов.

Пословица говорит: „цыплят по осени считают“, но уже теперь можно сказать, что как сам Атаман, так и члены правления избраны удачно. Атаман Перегордиев, всеми средствами старается встряхнуть казаков, иногда прибегает к способам, вызывающим даже улыбку, но нельзя заподозрить его в том, что к известному способу он прибегает с какой либо иной целью, кроме пользы для казаков. То, что раньше было только проектами, теперешнее правление энергично проводит в жизнь. Ведь всего три месяца существует новое правление, а уже есть некоторые результаты. Одному казаку, больному туберкулезом, была оказана сильная денежная помощь, а теперь ему исключено место в санатории. Давно и много говорилось о создании казачьей кассы взаимопомощи, но дело дальше пожеланий и постановлений не шло. Новый же Атаман, немедленно приступил к организации кассы взаимопомощи. На первом же сборе был прочитан устав кассы.

Новое правление организовало хор, которым управ-